

КТО ЕСТЬ КТО (Кирилл Павлович Флоренский)

Г.Ф.Плеханов

Тунгусский феномен » Лирика » Проза » Плеханов Г.Ф. Тунгусский метеорит. Воспоминания и размышления » КСЭ-3 » КТО ЕСТЬ КТО (Кирилл Павлович Флоренский)

Знаю я его, к сожалению, весьма поверхностно, хотя общались мы достаточно много. Зимой 1959/60 гг. он, как я уже упоминал, заехал в Томск, чтобы лично познакомиться с нашими материалами. Жил я тогда с семьей из 6 человек на окраине города в 22-метровой комнате студенческого общежития без всяких удобств. Несмотря на почти круглосуточную топку печи, вода на полу ночью застывала.

Кирилл Павлович Флоренский.

Руководитель тунгусских экспедиций 1958, 1961, 1962 гг.

Однажды в воскресный день раздается стук в дверь. Открываю. В холодном предбаннике стоит человек. «Здравствуйте, здесь ли проживает Плеханов?» и представляется:

«Флоренский». Фамилия мне была хорошо известна, так как его статья об экспедиции 1958 г. «Тунгусское диво», опубликованная в газете «Комсомольская правда», у нас неоднократно обсуждалась. Заходим минут на

10 в нашу изрядно перенаселенную комнату, где никакие переговоры вести невозможно, быстро одеваюсь, и идем в бетатронную.

Не помню сейчас, по каким каналам известил я основные наши кадры о приезде К.П., но через час Краснов, Журавлев, Кувшинников, Васильев уже были там.

Разговор состоялся достаточно дружелюбный, откровенный, с показом всяких таблиц и графиков. Поговорили мы часа три, и Кирилл Павлович отправился в Новосибирск на свой самолет, пригласив заходить к нему в КМЕТ или в ГЕОХИ, когда окажемся в Москве. Тогда же дал свои телефонные привязки.

Затем встречи в столице. В местах служебных и у него дома. Кстати, жизнь его домашняя была, конечно, лучше моей, но далеко не такой шикарной, как представлялось. Стандартная квартира в стандартном многоквартирном доме, далеко от центра и метро и даже без телефона. Постепенно обоюдная настороженность и недоверчивость уменьшились. Мы стали говорить более раскованно, но некоторая дистанция сохранялась всегда.

Основная причина, как я полагаю сейчас, была связана с его отцом, Павлом Александровичем Флоренским, который был в свое время репрессирован, а сейчас признан одним из крупнейших философов нашего времени. О своем отце он со мною ни разу не говорил. Но в Москве, еще до совместной экспедиции, о нем немного рассказывал И.Е. Тамм: «Отец К.П. Флоренского был математик и священник. На лекции приходил в церковном одеянии. Было принято даже специальное постановление Совнаркома, запрещающее читать лекции профессору Флоренскому в рясе». Тогда же Игорь Евгеньевич сказал, что поскольку отец был репрессирован, сын его, Кирилл, не получил высшего образования, но благодаря своим способностям и огромной поддержке В.И. Вернадского стал высокопрофессиональным специалистом, защитившим кандидатскую диссертацию.

Сам К.П. участвовал в Отечественной войне, был награжден орденами и медалями, весьма интенсивно работал по геохимическим проблемам вулканизма. На Заимке мы неоднократно обсуждали с ним целый ряд научных, оккультных и философских проблем. Много из этого крутилось вокруг самого Тунгусского метеорита. Что это? Обычное космическое тело или посланец разумных существ? Если корабль, то откуда, какая там может быть

цивилизация, как вообще могут выглядеть инопланетяне, могут ли они обмениваться между собой информацией с помощью телепатии и т.д.

Я высказывал сомнение по поводу «праатома и Большого взрыва», поскольку гипотеза о нем не позволяет даже предполагать, что было до самого взрыва и что такое время вообще. Развивал концепцию о том, что вселенная и наша галактика обитаемы. Жизнь везде должна существовать на основе углерода и быть очень похожей на земную. Непосредственная передача мысли у инопланетян хорошо отработана и используют они ее так же, как мы радиосвязь.

К.П. был более сдержан. Старался перевести разговор или на общефилософские темы о границах познания, или на сугубо прикладные научные темы. Был он типичным натуралистом и, если бы они работали с Ю.А. Львовым, взаимопонимание было бы полным. Однако среди наших коллег ему больше пришлось иметь дело с Фастом, Деминым, а из своих – с Любарским, Зоткиным, которые были настроены на математизацию всего и вся.

Помню жаркие споры по поводу определения среднего направления повала деревьев. Флоренский предлагал измерять направление повала каждого ствола с помощью буссоли и с точностью до 0,5 градуса. Фаст доказывал, что разброс направлений повала стволов на каждой пробной площади достаточно большой, и можно направления повала деревьев измерять обычным компасом с точностью до 5 градусов. А добиться большей точности можно за счет статистики. «Если замерить направление повала сотни стволов с точностью 5 градусов, то среднее значение азимута повала будет определено с точностью 0,5 градуса».

Для доказательства своей правоты Вильгельм переключил спор на будильники. Можно ли, имея множество неточно идущих часов, определить точное время? Фаст доказывал, что можно, Флоренский категорически не соглашался.

Запустили в работу методику замера азимутов «по Фасту», только благодаря поддержке Демина, Зоткина, Любарского. Но, даже согласившись с такой постановкой работы полевых групп, Флоренский неоднократно в разговорах со мной сожалел, что не удалось ему убедить оппонентов измерять азимуты повала стволов с большей точностью.

Кстати, некоторая отстраненность, нежелание подпускать к своему внутреннему миру у Флоренского были не только заметны в отношениях со мной.

Примерно то же упоминали в разговорах Вронский, Зоткин, а особенно И.Н.Елисеев, бывший работник органов внутренних дел, который был приглашен Флоренским на должность завхоза. Он прямо говорил: «Не понимаю я Кирилла Павловича. Вроде бы я у него хожу в заместителях, но никогда подробного разговора у нас не было ни о работе, ни о жизни вообще. Что он думает, что он за человек - не знаю». И тут же продолжал: «С вашими ребятами я только что познакомился, они хоть и недисциплинированные, но зато прямые и откровенные. С ними все просто и понятно. А с Флоренским трудно. Он себе на уме».

Наши взаимоотношения с Кириллом Павловичем развивались по синусоиде. Зима 1959/60 г. – вполне дружественные, с некоторым оттенком покровительства. Особенно это проявилось во время киевской метеоритной конференции, когда и он, и я были как бы включены в общую КМЕТовскую обойму. Там я был наиболее близок к Б.И. Вронскому, с которым уже установились теплые, дружеские взаимоотношения, а через него с Криновым, Зоткиным, Емельяновым и, естественно, с Кириллом Павловичем.

Лето 60 г. было занято делами экспедиционными, так что вновь с К.П. мы встретились только поздней осенью. Осень и зима 60 г., пожалуй, время нашего наибольшего объединения. Планирование совместной экспедиции, уточнение

планов и задач, материальное обеспечение – все это, естественно сближало основательно.

Первый холодок прошел где-то в мае 61 года, когда он написал уже упоминавшееся письмо. Завершились разногласия полным примирением в поезде. Затем совместная работа в экспедиции. Ее для меня можно разбить на три периода. Первый месяц с гаком мы с К.П. почти ежедневно контактировали без малейших намеков на конфронтацию. Затем наш 40-дневный вояж с Антоновым и Вербой. Тут, естественно, никаких контактов не было. И, наконец, заключительные полтора месяца. Снова работаем в полном контакте.

Зиму 1961/62 г. тоже можно разбить на ряд этапов. Сразу после экспедиции, вроде бы, все проговорено, договорено и никаких противоречий нет. Затем достаточно быстро наступает недопонимание. К.П., как под гипнозом, начинает повторять слова В.Г. Фесенкова: «Все решено, это была комета, проблему можно закрывать», что и привело к резкой конфронтации. Наконец, открытое противостояние. Резкий разговор в КМЕТе – и полный разрыв. Возвращаясь к тем дням, уже с теперешней «кочки зрения», могу однозначно сказать, что не сожалею о содеянном. Ни тогда, ни сейчас. Нельзя официально закрывать любую нерешенную проблему. Тем более такую сложную, многоплановую и глобальную, как ТМ.

Сожалею лишь об одном, что был я во время того принципиального разговора излишне резок. Надо было еще и еще раз терпеливо попытаться убедить К.П., что Василий Григорьевич, хоть и академик, но в этом вопросе может быть не прав. Попытаться перетащить его на свою сторону, сделать союзником, а не противником. Он ведь грамотный, вдумчивый, трезвый исследователь. Ему ли не понять, что здесь схлестнулись две концепции: сугубо научная и конъюнктурная. Можно ли недостаток знаний прикрыть пусть самыми красивыми, заманчивыми, но однозначно недоказанными гипотезами.

В первой половине 62 года Кирилл Павлович прекращает все контакты.

И даже когда я во время экскурсии на метеоритные кратеры Каали Ярв в Эстонии после ленинградской конференции по метеоритам попытался заговорить с ним, он кратко ответил: «Мне с Вами говорить не о чем». Все дальнейшие контакты с К.П. и КМЕТом поддерживал только Николай. Наши прекратились полностью. А жаль, ведь К.П. Флоренский, по большому счету, был вполне достойным продолжателем дела своего учителя В.И. Вернадского.